

УДК 338.001.36

ПОЗИЦИИ РОССИИ И США В ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2012 г. **Л.Ф. Лебедева***
Институт США и Канады РАН, Москва

В статье рассматриваются позиции России, США и других стран по ключевым социально-экономическим показателям. В фокусе внимания – их экономические и научно-технологические потенциалы, человеческое развитие, бюджетные приоритеты.

Ключевые слова: ВВП, государственный бюджет, НИОКР, продукция высокотехнологичных отраслей, человеческое развитие, Россия, США, ОЭСР, БРИК, Группа восьми.

Усложнение системы международных взаимосвязей и взаимозависимости в полицентричном мире ставит перед правящими кругами России, США и других стран задачи, для решения которых требуются принципиально новые подходы на уровне государства, бизнеса, общественных структур, гражданского общества. В этой связи возрастает внимание к оценке влияния всё более широкого спектра факторов, в том числе финансовых, экономических, научно-технологических, социально-демографических, экологических, а также их взаимодействия, на позиции стран в мире, на трансформацию национальных и международных стратегий.

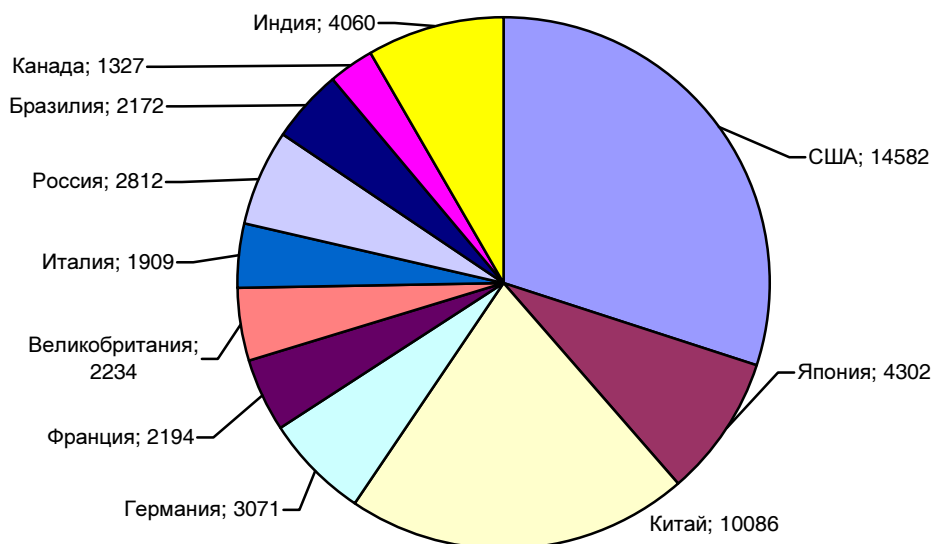
Современная экономическая ситуация и прогноз её развития характеризуются устойчивой тенденцией перераспределения экономической мощи в масштабах глобальной экономики, появлением новых игроков мирового масштаба, при том, что потенциалы лидеров существенно различаются по отдельным финансовым, экономическим, социальным параметрам. По объёму валового внутреннего продукта (ВВП), одному из ключевых (и наиболее часто используемых) национальных показателей США остаются лидером, однако в первом десятилетии XXI века проявились тенденции ощутимого роста ВВП Китая, Бразилии, Индии, а также существенного отрыва США и Китая от других стран (см. рисунок).

При рассмотрении долгосрочных тенденций позиций Группы семи (G7) и БРИК, оказывается, что если на рубеже XX–XXI веков на долю «семёрки»

* ЛЕБЕДЕВА Людмила Федоровна – доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра ИСКРАН. E-mail: Liudran@rambler.ru

Статья подготовлена при поддержке РГНФ: 12-03-00640(а) «Россия и США: сопоставление с основными центрами силы в многополярной системе международных отношений».

Рисунок. ВВП 2010 г., млрд. долл. в текущих ценах по ППС

OECD Outlook, November 2011.

приходилось 65% мирового ВВП, а на долю Бразилии, России, Индии, Китая (БРИК) – 7%, то, согласно некоторым прогнозам, к 2030 г. доли этих групп стран сравняются: «семёрка» и БРИК будут производить примерно по одной трети мирового ВВП [6; 9; 14]. Уже в 2010 г. совокупный ВВП стран БРИК почти на треть превышал ВВП США (см. рисунок). На фоне общего укрепления стран БРИК относительно «семёрки» по объёму ВВП отставание России от стран – лидеров остаётся значительным [10].

Появление новых стран и групп лидеров мирового масштаба, динамика и прогнозы их развития свидетельствуют об изменении соотношения сил в XXI веке. Ускорение развития, повышение конкурентоспособности национальных социально-экономических систем сопровождаются нарастающей вовлечённостью этих стран в международные экономические отношения, что, в свою очередь, способствует усилению их экономической мощи.

На рубеже первого и второго десятилетий по объёму промышленного производства США уступили лидерство Китаю, который обогнал Японию по этому показателю ещё в середине первого десятилетия. Доли этих стран в мировом промышленном производстве к началу второго десятилетия XXI века составили: Китай – 18,9%, США – 18,2%, Япония – 10,7% [16]. Однако необходимо иметь в виду, что в определённой степени эта тенденция связана с масштабами и динамикой переноса американскими компаниями части своих производств и бизнес-процессов в другие страны, в том числе в Китай.

Бюджетные дисбалансы

Глобальный кризис 2008–2009 гг., различные проявления его социально-экономических последствий в разных странах усилили необходимость выявления особенностей национальных антикризисных моделей, оценки адекватности

Таблица 1

Дефициты государственных бюджетов, % ВВП

Страны	Дефицит, %	Страны	Дефицит, %
ОЭСР	-6,6	БРИК:	
США	-10	Россия	0,2
Канада	-5,0	Бразилия	-2,7
Германия	-1,2	ЮАР	-3,7
Великобритания	-9,4	Китай	-1,2
Франция	-5,7	Индия	-6,8
Япония	-8,9		
Италия	-3,6		

OECD Fact Book 2011: Economic, Environmental and Social Statistics; OECD, 2011; OECD Outlook, November 2011.

регуляторов происходящим изменениям, обоснованности и эффективности затрат в условиях сохранения бюджетных дисбалансов.

По состоянию на 2010–2011 гг., в США, Великобритании и Японии дефицит государственных бюджетов относительно ВВП был существенно выше, чем в среднем по странам ОЭСР (-6,6%), тогда как в странах БРИК, за исключением Индии, этот показатель был ниже (табл. 1)

Резко возросшая в период глобального кризиса дефицитность государственных бюджетов ведущих стран мира потребовала переоценки программ финансовой поддержки экономического роста, социальной защиты населения, стимулирования создания рабочих мест. Государственные расходы на здравоохранение и образование являются одним из ключевых факторов дальнейшего увеличения социальной составляющей бюджетного финансирования. Однако прогнозируемый долгосрочный рост значения социальных затрат в общих федеральных расходах связан прежде всего с изменением возрастной структуры населения – в первую очередь с увеличением числа и доли лиц пенсионного возраста и, соответственно, с растущим объемом пенсионных выплат. Статьи, связанные с пенсионными выплатами и медицинским обслуживанием пенсионеров, носят обязательный характер, и выделение средств по ним увеличивается по мере выхода застрахованных работников на пенсию. Несмотря на то, что по доле населения в возрасте 65 лет и старше (13,1%) США находятся в относительно благоприятном положении в сравнении с другими ведущими развитыми странами, в которых этот показатель выше, усиление пенсионной нагрузки привело к тому, что совокупные затраты на пенсионные выплаты и медицинское обслуживание пенсионеров в рамках программы «Медикэр» составили 33% (2011 фин. г.) общих федеральных расходов.

К началу второго десятилетия впервые за более чем 60-летний период валовой долг США превысил их ВВП (2011 г.).

При этом после достижения докризисного уровня ВВП, некоторого снижения уровня безработицы в сравнении с наиболее острым кризисным периодом потребность в стимулирующих мерах не отпала, о чём свидетельствует проект федерального бюджета на 2013 фин. г., представленный администрацией Барака Обамы. При планируемых расходах в объеме 3,8 трлн. долл. ожидается

дальнейший рост затрат по основным социальным программам пенсионного и медицинского обслуживания, увеличение инвестиций в развитие транспортной инфраструктуры, широкополосного Интернета, а также на промышленные инновации и создание новых рабочих мест [3].

В России до 2012 г. благодаря «нефтегазовым» поступлениям сохранялся профицит федерального бюджета. А по данным за январь – февраль 2012 г., дефицит российского федерального бюджета составил 3% ВВП. При этом ожидается, что дефицит «не-нефтяной» части бюджета будет усугубляться. Таким образом, в России, как и в других странах, возрастает необходимость разработки посткризисной модели развития с оптимальным (с учётом национальных особенностей) сочетанием государственного регулирования и развития частной инициативы; модели, учитывающей растущие под воздействием глобализации проблемы внешней среды, международной конкуренции, усиление финансового фактора, а также усилившиеся риски нестабильности мировой экономики.

В условиях сохраняющейся неустойчивой стабилизации социально-экономической ситуации ключевое место в повестке дня ведущих стран мира сегодня занимают задачи трансформации достигнутого при содействии стимулирующих пакетов экономического восстановления в самоподдерживающийся экономический рост. Правящим кругам каждой страны предстоит поиск наиболее оптимального сочетания государственного регулирования и развития частной инициативы для формирования политики, учитывающей растущие под воздействием глобализации требования внешней среды, международной конкуренции, состояния финансового сектора.

Научно-технический потенциал

Учитывая, что роль центров силы в XXI веке могут играть только страны, обладающие мощным научно-техническим потенциалом, возрастает внимание к изучению опыта разных стран мира в части проведения политики в сфере НИОКР, укрепления позиций на мировых рынках высокотехнологичной продукции, которая занимает все более важное место во внешнеторговом обороте всех стран мира.

В средне- и долгосрочной перспективе на развитие ситуации на мировом рынке высокотехнологичной продукции будут оказывать влияние такие факторы, как ускорение освоения инноваций и усиление их влияния на экономическое развитие; повышение энергоэффективности и расширение использования альтернативных видов энергии; необходимость решения вопросов, связанных с глобальным изменением климата, дефицитом пресной воды и др. Несмотря на возможное повторение кризисных ситуаций, в долгосрочной перспективе позиции на рынках высокотехнологичной продукции будут одним из факторов, в значительной мере определяющих роль и место страны на мировой арене.

Ситуация на мировых рынках высокотехнологичной продукции и услуг, тенденции их развития позволяют говорить о существенном перераспределении позиций отдельных стран и групп стран в этом секторе мирового хозяйства.

К концу первого десятилетия XXI века среди отдельных стран лидером в мировом экспорте высокотехнологичной продукции стал Китай (24% мирового

экспорта этой продукции в 2011 г.), контролирующей, в частности, 40% мирового рынка компьютерной и офисной техники. В 2011 г. на долю Китая в общем объёме американского импорта высокотехнологичных товаров приходилось уже 40%. Менее чем за десятилетие этот показатель почти утроился и свидетельствует о стремительном упрочении позиций Китая в данном секторе, даже с учётом того, что значительную часть импорта в США высокотехнологичной продукции составляют товары, которые собираются в Китае из импортируемых комплектующих.

В импорте высокотехнологичных товаров доля США снизилась до 15% (2010 г.), а доля Китая возросла до 18% (2010 г.) [13].

В средне- и долгосрочной перспективе можно ожидать дальнейшего укрепления присутствия Китая, Южной Кореи, Сингапура, Малайзии, других стран Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего на рынках полупроводниковой продукции, коммуникационного оборудования, компьютерной и офисной техники.

Несмотря на некоторое снижение в 2008–2009 гг. экспорта высокотехнологичной продукции, США остаются её ведущим поставщиком, проводя политику наращивания национального научно-технологического потенциала как основы глобального влияния и, в частности, укрепления позиций на мировых рынках высокотехнологичной продукции.

По объёму предоставляемых высокотехнологичных услуг США остаются лидером – их доля в мире по данному показателю составляла в конце первого десятилетия 34%. США сохраняют положительное сальдо по экспорту высокотехнологичных услуг, продаже лицензий.

Всё сильнее интегрируются в глобальную экономику страны БРИК. В первом десятилетии XXI века в этих странах наблюдалось увеличение не только объёмов торговли сырьевыми ресурсами, но и экспорта высококачественных полуфабрикатов, потребительских товаров, высокотехнологичной продукции, прежде всего из Китая.

Доля товарного экспорта стран БРИК в мире возросла за первое десятилетие XXI века с 8% (2002 г.) до 16,8% (2011 г.), а импорта – с 7% до 15% [15]. При этом стремительно увеличивалась роль высокотехнологичной продукции, на долю которой на рубеже первого и второго десятилетий в странах БРИК в целом приходилось около 30% общего объёма торговли, в сравнении с 25% в странах ОЭСР [9].

На фоне укрепления позиций стран БРИКС на рынках высокотехнологичной продукции, прежде всего благодаря Китаю, роль России остается скромной – 0,14% мирового экспорта указанной продукции и 1,06% – импорта [13].

Похожая ситуация наблюдается на рынке информационно-компьютерной техники (ИКТ). В 2010 г. рынок ИКТ Китая вырос на 8%, в Индии рост составил 15%. Учитывая, что в Индии лишь треть населения пользуется мобильными телефонами, а в Китае – около половины населения, их рынки остаются одними из наиболее перспективных. В то же время рынок телекоммуникационных услуг США в 2010 г., несмотря на бурное развитие мобильного Интернета, увеличился всего на 1,6%, в ЕС – на 0,1%.

В условиях продолжающегося перераспределения сил на мировых рынках, стремительного упрочения позиций в секторе высокотехнологичной продукции Китая, а также ряда других стран, потеснивших главных поставщиков этой продукции, таких как США, Япония, др., наблюдалось падение доли высокотехнологичной продукции в структуре российского экспорта.

Проблемы сохранения и укрепления позиций России на мировых рынках высокотехнологичной продукции остаются одними из самых острых во внешнеэкономических отношениях. Несмотря на увеличение в последние годы расходов на образование и науку, а также меры по поддержке отечественного экспорта, Россия продолжает существенно отставать не только от мировых лидеров, но и от многих других стран, по основным показателям, определяющим уровень научно-технологического развития, в том числе по доле на мировом рынке высокотехнологичной продукции (0,6% мирового товарооборота).

В условиях нестабильности мировой экономики, а также существенного обострения конкурентной борьбы, укрепление позиций в сфере торговли высокотехнологичной продукцией возможно при условии осуществления комплекса мер научно-технической, промышленной, торговой политики в их взаимосвязи, в том числе значительных инвестиций на постоянной основе в сферу НИОКР, создание условий для коммерциализации результатов исследований и разработок.

Понимание ключевой роли науки и техники в формировании постиндустриального общества в разных странах реализуется в зависимости от множества факторов, но повсеместно находит выражение в постоянной корректировке задач и целей политики в этой области, совершенствовании координации, форм и методов реализации этой политики, диверсификации источников финансирования, содействии использования научно-технологического потенциала в целях обеспечения национальной безопасности и повышения национальной конкурентоспособности. Уже более пяти лет мировые ежегодные затраты на НИОКР стабильно превышают 1 трлн. долл., распределение которых по странам носит крайне неравномерный характер.

США остаются лидером по совокупным расходам на НИОКР, существенно опережая другие страны, но в первом десятилетии XXI века происходило также заметное усиление научно-технической мощи конкурентов – в первую очередь Китая, Японии, Южной Кореи, а также ряда других стран. Наращивание инвестиций в сферу НИОКР отличается значительной неравномерностью по странам и глобальным перераспределением позиций отдельных стран по доле в общемировых расходах. Расходы на НИОКР стран «восьмёрки» и Китая в 2009 г. составили 914 млрд. долл., из них на США приходилось 34%, на Китай – 13,7%, на Японию – 12,4% [6].

Наиболее впечатляющий скачок финансового обеспечения НИОКР и укрепления позиций в сфере высоких технологий отмечен в Китае, занявшем в 2009 г. второе место в мире по объёму финансирования НИОКР, который достиг 1,7% ВВП в сравнении с 0,57% в 1996 г. Таким образом, Китай вплотную приблизился к среднему по странам Евросоюза (ЕС-27) показателю наукоёмкости ВВП (1,9% – 2009 г.); Испания, Португалия, Чехия, Словения в течение первого десятилетия существенно сократили отставание от среднего показате-

Таблица 2

Расходы на НИОКР по направлениям исследований, %

Страны	Здраво- охранение	Исследования космического пространства	Энергетика	Сельское хозяйство	Транспорт, связь и другая инфраструк- тура	Промышлен- ное производ- ство и техно- логии
США	22,1	8,2	1,7	1,7	1	0,4
Япония	4,1	7	13,7	3,7	4,1	7,3
Германия	4,5	4,8	3,7	2,8	1,7	12,2
Франция	7	8,8	5,8	1,8	0,9	8,4
Южная Корея	6,8	4,6	5,7	7,8	1,6	28,6
Великобри- тания	14,1	2,2	0,2	3,1	0,8	1,1
Россия	2,6	13,4	1,9	1,1	1,4	10,1
Канада	16,6	4,1	5,1	7,9	2,6	12,3

Science and Engineering Indicators 2010.

ля по ЕС, а Австралия даже превысила его. Доля затрат на НИОКР в ВВП Австрии возросла с 2,07 до 2,75%, существенно опередив значения в среднем по ЕС и ОЭСР (2,33% – 2009 г.). Вместе с тем, отставание Мексики и Словакии по инвестициям в исследования и разработки продолжало нарастать. Российский показатель наукоёмкости ВВП (1,1%) наиболее близок к Венгрии (1,1%), Новой Зеландии (1,2%), Италии (1,3%) [1; 2; 6].

В США сохраняется один из самых высоких уровней вовлечённости занятого населения в исследовательскую деятельность (численность исследователей в расчёте на 10 тыс. занятых – 95), который сопоставим с аналогичными показателями ведущих развитых стран: Германии (77), Франции (89), Японии (104), Швеции (105) и существенно опережает российский показатель – 64 исследователя на 10 тыс. занятых.

Несмотря на усиление факторов, влияющих на ограничения расходной части бюджета и связанных с беспрецедентными бюджетными дефицитами, государственное финансирование НИОКР в конце первого десятилетия возросло почти во всех странах ОЭСР, а также в России и некоторых других странах.

В России доля государственных расходов на НИОКР в ВВП увеличилась в 2007–2010 гг. с 0,33 до 0,56%. Однако по этому показателю Россия по-прежнему существенно отстаёт от США (1,18%), да и от его среднего значения по странам ОЭСР (0,75%), в том числе не только от стран-лидеров – Финляндии (1,10%), Кореи (1,02%), но и от Словении (0,78%), Чехии (0,69%) [7; 9].

Что же касается совокупных расходов на науку относительно ВВП, то, по данным специального обзора ОЭСР, посвящённого науке и инновациям в России, они сократились с 2% (1990 г.) до 1% в 2008 г. Ситуация осложняется тем, что, в отличие от ведущих стран мира, основное бремя расходов на науку в России несёт государство (65%), в то время как в США доля государства со-

ставляет 27,1%, в Канаде – 32,5%, Японии – 15,6%, а в среднем по странам ОЭСР – 33% [11].

Особенно значительный разрыв между Россией и США, другими странами отмечен не только по расходам на НИОКР относительно ВВП, но и, например, по доле средств, предназначенных на проведение НИОКР в столь критически важной сфере как здравоохранение.

Использование научно-технологических достижений в целях социального развития, сокращения неравенства возможностей в отдельных странах и между странами – одна из ключевых задач XXI века. Вместе с тем глубокие различия по поддержке проведения и внедрению результатов научных исследований и разработок в разных странах представляют зону стратегического риска для стран, отстающих по этим показателям с точки зрения увеличения разрыва между наиболее и наименее развитыми странами.

Низкий уровень ресурсного обеспечения науки, слаборазвитая инфраструктура содействия развитию и внедрению результатов НИОКР остаются одним из наиболее уязвимых аспектов современного развития России, тормозящих повышение её национальной конкурентоспособности и мирового влияния.

Человеческие ресурсы

По Индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП), рассчитываемому с 1990 г. и основанному на оценке ожидаемой при рождении продолжительностью жизни; уровня грамотности взрослого населения, общего числа обучающихся в начальных, средних и высших учебных заведениях, выраженному в долларах США на душу населения, в 2011 г. США занимали четвёртое место (ИРЧП–0,910), а Россия – 66-е место (ИРЧП–0,755) при среднемировом значении ИРЧП–0,682 [4].

При всей ограниченности любого индекса для характеристики развития человеческого потенциала, ИРЧП существенно расширяет представление о состоянии человеческих ресурсов, дополняя общий показатель материального благополучия ВВП на душу населения.

Сегодня речь идёт не только о гуманитарных соображениях обеспечения прав человека, в том числе экономических, но также о развитии человеческих ресурсов как условии расширения возможностей экономического роста, использования новейших результатов исследований и разработок, обеспечения экономики кадрами. Наряду с традиционными мерами социальной поддержки населения, призванными сыграть позитивную роль в повышении уровня социальных гарантий и качества жизни населения, актуализируется необходимость модернизации инструментов государственного регулирования в социальной сфере, пересмотра и уточнения самих подходов к нейтрализации угроз социальной стабильности, к повышению защищённости человеческих ресурсов.

Глобальный кризис конца первого десятилетия XXI века вызвал необходимость дополнительного регулирования в социальной сфере, усилил потребность оценки национальных социальных моделей, их вклада в бюджетный дефицит, соответствия постиндустриальной стадии развития. Масштабные по объёму и спектру воздействия меры социальной политики, предпринятые в ведущих

странах мира, стали важным фактором посткризисной стабилизации. Однако сегодня речь идёт не столько об одновременных финансовых вливаниях для повышения социальной защищённости населения в условиях возрастающих рисков финансово-экономической неустойчивости, сколько о стратегических направлениях решения проблем социального обеспечения, медицинского обслуживания населения, образовательной подготовки, с учётом бюджетных ограничений, демографических изменений, требований экономики знаний.

Масштабы и уровень (относительно ВВП) государственного перераспределения финансовых ресурсов на цели пенсионного обеспечения, вспомоществования, поддержки безработных и других социально уязвимых групп населения, существенно различаются по странам. Но в целом по странам – членам ОЭСР сохраняется высокий уровень государственного перераспределения. Доля социальных трансфертов (т.е. расходов на денежные и иные пособия, товары и услуги, налоговые льготы лицам, достигшим пенсионного возраста, инвалидам, безработным, домохозяйствам с низкими – по национальным стандартам – доходами, другим социально уязвимым группам населения из федерального бюджета, а также бюджетов штатов, местных органов власти, включая фонды социального страхования) в ВВП в среднем по странам ОЭСР составила в 2009 г. 19,2%.

Социальная модель США часто характеризуется как «ограниченная», в сравнении с западноевропейской, исходя, прежде всего, из масштабов бюджетного перераспределения ресурсов и государственного финансирования социальных программ. Действительно, по доле государственных социальных трансфертов (16,2% ВВП – 2009 г.) среди стран ОЭСР США занимают 24-е место, существенно уступая не только лидерам по этому показателю – Франции, Швеции, Австрии, Бельгии, Дании, Германии – но и ОЭСР в целом (19,2%) [7].

Наращивание государственного финансирования социальной сферы в ведущих странах мира сопровождается ростом многообразия форм и методов вовлечения средств бизнеса, некоммерческих структур, домохозяйств для решения социальных проблем, расширением спектра рыночных инструментов, используемых в этих целях.

По участию частного сектора в финансировании социальных трансфертов США (10,5% ВВП) опережают все страны, далее, со значительным отрывом следуют Швейцария (8,3%), Нидерланды (6,9%), Великобритания (5,8%), Канада (5,3%). А если учесть ещё расходы на образование, здравоохранение из государственных и частных источников, то к концу первого десятилетия XXI века в США, Франции, Бельгии, Дании, Швеции, Австрии, Нидерландах, Германии, Швейцарии, Италии, Великобритании, Финляндии совокупные ежегодные расходы на социальные трансферты, образование, здравоохранение из государственных и частных источников превышали 40% ВВП [5; 7; 8].

Государственные социальные расходы в России составляют примерно такую же долю ВВП, как в США и в Бразилии.

В последние годы ситуация в России усложняется тем, что многие из антикризисных мер в сфере труда, такие как использование неполной занятости, расширение сферы применения и повышение размеров пособий по безработице, способствовали смягчению влияния глобального кризиса на уровень

Таблица 3

Государственные социальные расходы, % ВВП

Страны ОЭСР (выборочно, с наибольшими и наименьшими показателями)	Государственные социальные расходы	Страны БРИК	Государственные социальные расходы
Франция	28,4	Бразилия	16,3
Швеция	27,3	Россия	15,5
США	16,2	Индия	4,6
Мексика	7,2	Китай	6,5
ОЭСР, в среднем	19,3	ЮАР	8,1

OECD Fact Book 2011: Economic, Environmental and Social Statistics. OECD, 2011.

безработицы. Однако по мере изменения экономических условий необходимы новые инициативы, в частности, направленные на активизацию рынка труда, совершенствование профессиональной подготовки, обеспечение предприятий востребованной рабочей силой.

Несмотря на то, что, по последним имеющимся данным, уровень безработицы в России ниже, чем во многих ведущих странах мира, проблемы поддержки безработных в силу отсутствия обязательной системы страхования по безработице, оказываются не менее острыми.

По данным Росстата, в 2011 г. 12,8% населения имели доход ниже черты бедности. Уровень бедности в ряде других стран, в том числе в США, сейчас не ниже. Другое дело, что черта бедности там около 1000 долл. в месяц, а в России, по данным на I квартал 2012 г., – 6 307 рублей (193,4 долл. в месяц). Относительная бедность, неравенство – неотъемлемый элемент бытия. Проблема скорее в том, чтобы эта низшая граница (или черта бедности) по доходам была на уровне, соответствующем началу XXI века и позволяющем удовлетворять не только физиологические, но и социальные потребности, а трудовой и пенсионный доходы обеспечивали достойную жизнь.

Отставание России от мировых тенденций в области социального обеспечения, образования, здравоохранения как основы воспроизводства человеческих ресурсов и обеспечения кадрового потенциала страны представляет зону риска в достижении стратегических целей развития. В условиях новых вызовов нестабильности мировой экономики, финансовых дисбалансов формы и методы реализации социально-экономического курса могут приобрести ещё большие различия между странами в зависимости от их социально-культурных, политических, экономических особенностей. Но преодоление дефицита государственной поддержки образования, науки, здравоохранения, адекватного уровня социальных гарантий, вовлечённости бизнеса, некоммерческих структур, самих граждан в процесс повышения человеческого потенциала, остаётся одним из основополагающих факторов устойчивого развития, укрепления позиций страны в мировом сообществе.

Список литературы

1. *Емельянов С.В., Лебедева Л.Ф.* Развитие НИОКР в США и других странах ОЭСР в начале XXI в. // Вопросы новой экономики. 2011. № 3.
2. Сборник докладов на Международной научно-практической конференции «Международное предпринимательство в XXI веке». Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. Политехническим Институтом. Москва. 25.11.2011.
3. Budget of the U.S. Government. FY 2013. Historical Tables. Washington, 2012.
4. Human Development Report. New York, 2011.
5. OECD Education Data, 2011.
6. OECD Estimates Based on Research and Development Database, August 2011.
7. OECD Fact Book 2011: Economic, Environmental and Social Statistics. OECD, 2011.
8. OECD Health Data, 2011.
9. OECD. Main Science and Technology Indicators, June 2011.
10. OECD Outlook, November 2011.
11. OECD Reviews of Innovation Policy: Russian Federation 2011. OECD, 2011.
12. Science and Engineering Indicators 2010.
13. Science and Engineering Indicators 2012.
14. Top 10 Global Economic Challenges Facing America's 44th President. Washington, 2008.
15. UNCTAD Handbook of Statistics, November 2011.
16. United Nations Industrial Development Organization.